

Томас Мор (*Sir Thomas More* 1478-1535)

В 1504 году Мор избирается в Парламент.

В 1510 году он стал одним из двух младших шерифов Лондона.

В 1515 году он входил в состав английского посольства во Фландрии.

В 1521 году он был посвящён в рыцари за «заслуги перед королём и Англией».

В 1523 году с одобрения короля Мор избран спикером палаты общин.

В 1525-1529 годах он занимал пост канцлера герцогства Ланкастерского.

В 1529 году назначен лордом-канцлером.

**Портрет Томаса
Мора кисти Ганса
Гольбейна
Младшего.**

Томас Мор и епископ Джон Фишер. Оба отказались признать законность назначения короля Генриха VIII главой англиканской церкви, его развод с первой женой и права на престол его детей от второго брака, и казнены за измену в 1535 г.

Дом Томаса Мора в Лондоне.

**Памятник Томасу
Мору
Cheyne Walk,
Chelsea, London**

St Thomas More Church, Highlands Road, Seaford, District of Lewes, East Sussex, England (1935)

«Утопия» (1516)

Книга построена как разговор Томаса Мора и Рафаила Гитлодея, вымышленного персонажа, чье имя можно перевести с греческого как «опытный говорун».

В первой части содержится критика современных государств. Симптоматично, что первая книга трактата содержит в себе осуждение не нравственных пороков, а социальных институтов. Мишенью становятся не грехи человечества, как в средневековых религиозных утопиях, а «неправильности» социальной системы.

Вторая книга представляет собой описание идеального государства, которое лишено всех присущих Европе недостатков.

Остров утопийцев в средней своей части, где он всего шире, простирается на двести миль, затем на значительном протяжении эта ширина немного уменьшается, а в направлении к концам остров с обеих сторон мало-помалу суживается. Если бы эти концы можно было обвести циркулем, то получилась бы окружность в пятьсот миль. Они придают острову вид нарождающегося месяца. Рога его разделены заливом, имеющим протяжение приблизительно в одиннадцать миль... Почти вся внутренняя часть этой страны служит гаванью, рассылающей, к большой выгоде людей, по всем направлениям корабли.

Стандартизация, стирание индивидуальности.

На острове пятьдесят четыре города, все обширные и великолепные; язык, нравы, учреждения и законы у них совершенно одинаковые. Расположение их всех также одинаково; одинакова повсюду и внешность, насколько это допускает местность.

Кто узнает хотя бы один город, тот узнает все города Утопии: до такой степени сильно похожи все они друг на друга... Город опоясан высокой и широкой стеной с частыми башнями и бойницами. С трех сторон укрепления окружены сухим ровом, но широким, глубоким и заросшим оградой из терновника; с четвертой стороны ров заменяет сама река. Расположение площадей удобно как для проезда, так и для защиты от ветров. Здания отнюдь не грязны. Длинный и непрерывный ряд их во всю улицу бросается в глаза зрителю обращенными к нему фасадами. Эти фасады разделяет улица в двадцать футов ширины. К задним частям домов на всем протяжении улицы прилегает сад, широкий и отовсюду загороженный задами улиц. Нет ни одного дома, у которого бы не было двух дверей: спереди - на улицу и сзади - в сад.

Система управления

Каждые тридцать семейств избирают себе ежегодно должностное лицо, именуемое на их прежнем языке сифогрантом, а на новом - филархом.

Во главе десяти сифогрантов (филархов) с их семействами стоит человек, называемый по-старинному транибор, а ныне протофиларх.

Все сифогранты, числом двести, после клятвы, что они выберут того, кого признают наиболее пригодным, тайным голосованием намечают князя, именно - одного из тех четырех кандидатов, которых им предложил народ.

Должность князя несменяема в течение всей его жизни, если этому не помешает подозрение в стремлении к тирании.

Траниборов они избирают ежегодно, но не меняют их зря.

Все остальные должностные лица избираются только на год.

Траниборы каждые три дня, а иногда, если потребуют обстоятельства, и чаще, ходят на совещания с князем.

Из сифогрантов постоянно допускаются в сенат двое, и всякий день различные.

Экономическая система.

Частная собственность упразднена за ненужностью, денежного обращения нет, золото и драгоценные камни презираются и хранятся только на случай войны – для подкупа врага или найма армии.

Из золота и серебра повсюду, не только в общественных дворцах, но и в частных жилищах, они делают ночные горшки и всю подобную посуду для самых грязных надобностей. Сверх того из тех же металлов они вырабатывают цепи и массивные кандалы, которыми сковывают рабов. Наконец, у всех опозоривших себя каким-либо преступлением в ушах висят золотые кольца, золото обвивает пальцы, шею опоясывает золотая цепь, и, наконец, голова окружена золотым обручем. Таким образом, утопийцы всячески стараются о том, чтобы золото и серебро были у них в позоре.

Каждый обязан работать на государство. Все без исключения занимаются земледелием. Кроме того, каждый изучает в дополнение к земледелию какое-то одно ремесло. В день работают только 6 часов, спят 8 часов. Остальное время посвящается изучению наук, совершенствованию трудовых навыков и развлечениям.

В деревне на всех полях имеются удобно расположенные дома, снабженные земледельческими орудиями. В домах этих живут граждане, переселяющиеся туда по очереди. Ни одна деревенская семья не имеет в своем составе менее сорока человек - мужчин и женщин, кроме двух приписных рабов... Из каждого семейства двадцать человек ежегодно переселяются обратно в город; это те, что пробыли в деревне два года. Их место занимают столько же новых из города, чтобы их обучали пробывшие в деревне год и потому более опытные в сельском хозяйстве; эти приезжие на следующий год должны учить других, чтобы в снабжении хлебом не произошло какой-либо заминки, если все одинаково будут новичками и несведущими в земледелии.

Одежда у всех одинаковая, самая простая, дома распределяются по жребию.

Что же касается одежды, то, за исключением того, что внешность ее различается у лиц того или другого пола, равно как у одиноких и состоящих в супружестве, покрой ее остается одинаковым, неизменным и постоянным на все время, будучи вполне пристойным для взора, удобным для телодвижений и приспособленным к холоду и жаре...

...Пока они находятся на работе, они небрежно покрываются кожей или шкурами, которых может хватить на семь лет. Когда они выходят на улицу, то надевают сверху длинный плащ, прикрывающий упомянутую грубую одежду. Цвет этого плаща одинаков на всем острове, и притом это естественный цвет шерсти... В полотно они принимают во внимание исключительно чистоту. Более тонкая выделка не имеет никакой цены. В результате этого у них каждый довольствуется одним платьем, и притом обычно на два года...

Быт коммунальный, общие домашние работы выполняются по очереди представителями каждой из семей, объединенных ради распределения благ.

Каждый город разделен на четыре равные части. Посредине каждой части имеется рынок со всякими постройками. Туда, в определенные дома, свозятся предметы производства каждого семейства, и отдельные виды их распределяются в розницу по складам. В них каждый отец семейства просит того, что нужно ему и его близким, и без денег, совершенно без всякой уплаты, уносит все, что ни попросит. Кроме того, на всякой улице имеются помещительные дворцы, отстоящие друг от друга на равном расстоянии... В них живут сифогранты. К каждому из этих дворцов приписаны тридцать семейств, именно - по пятнадцати с той и другой стороны. Тут эти семьи должны обедать. Заведующие кухней каждого дворца в определенный час собираются на рынок и получают пищу согласно указанному ими числу своих едоков. Хотя никому не запрещено обедать дома, но никто не делает этого охотно, потому что считается непристойным и глупым тратить труд на приготовление худшей еды, когда во дворце, отстоящем так близко, готова роскошная и обильная. В этом дворце все работы, требующие несколько большей грязи и труда, исполняются рабами.

В Утопии есть рабство. Рабство Мор рассматривает как альтернативу пенитенциарной системе, считая, что преступников выгоднее делать рабами, чем отправлять на каторгу или в тюрьму.

Утопийцы не считают рабами ни военнопленных, кроме тех, кого они взяли сами в бою с ними, ни детей рабов, ни, наконец, находящихся в рабстве у других народов, кого можно было бы купить. Но они обращают в рабство своего гражданина за позорное деяние или тех, кто у чужих народов был обречен на казнь за совершенное им преступление.

Развлечения.

После ужина они проводят один час в забавах: летом в садах, а зимой в тех общих залах, где совместно кушают. Там они или занимаются музыкой, или отдыхают за разговорами. Что касается игры в кости и других нелепых и гибельных забав подобного рода, то они даже не известны утопийцам. Впрочем, у них имеются в ходу две игры, более или менее похожие на игру в шашки: одна - это бой чисел, где одно число ловит другое; другая - в которой пороки в боевом порядке борются с добродетелями.

У них нет ни одной винной лавки, ни одной пивной; нет нигде публичного дома, никакого случая для разврата, ни одного притона, ни одного противозаконного сборища; но присутствие на глазах у всех создает необходимость проводить все время или в привычной работе, или в благопристойном отдыхе.

Внешняя политика.

Утопийцы охотно сотрудничают с аборигенами при устройстве на материке своих колоний. Они также, после создания у себя на острове достаточных запасов, охотно делятся продуктами и товарами с нуждающимися странами. Однако они могут и вести войну.

Утопийцы признают вполне справедливой причиной для войны тот случай, когда какой-либо народ, владея попусту и понапрасну такой территорией, которой не пользуется сам, отказывает все же в пользовании и обладании ею другим, которые по закону природы должны питаться от нее.

Путешествия внутри страны и за ее пределами разрешены гражданам после получения специального позволения от сената. В путешествие отпускают только тех в ком город непосредственно сейчас не нуждается.

Утопия Мора по типу представляет собой социальную утопию.

Это эскапистская «утопия места».

Она получила литературное оформление.

Практического воплощения не имела.

В ней присутствуют признаки тоталитарного строя и социалистического обобществления имущества.